

Николай Шадронов

Из цикла рассказов "ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ"

"ПЕТРИК И ХУЛИГАНЫ"

Приехал я после двухлетнего отсутствия в родной город Рамбов и первым же вечером вышел на улицу. А надо признаться, я себе слово давал — из дома без дела не выходить, за работой упорно сидеть. Но такой уж это город смешной, прямо как какой-нибудь сказочный Багдад, — так на свои улицы и тянет.

Что только на этих улицах не происходило!.. Честное слово, грезилось иногда, будто заехали сюда и живут теперь постоянно и творят свои удивительные, нестандартные дела разные там фокусники, чародеи, американцы. Короче, вытянуло меня из дома будто клещами и пошел я по дорогам раскрыв рот, на манер всех зевак.

Долго ходил без пользы, даже пьяного ни одного не встретил, факт уже сам по себе небывалый; мысли всякие стали одолевать. Уж не произвели ли здесь без меня какие реформы... не отменили ли пьяниц навсегда безвозвратно... И кому теперь нужен нельющий Рамбов?

Вспомнил я, что есть тут одно местечко, прославленный ресторан с негромким названием "Волна". Вот я в эту "Волну" и подался.

Много знаменитых ресторанов во всем мире: есть в Париже ресторан "Максим", есть в Нью-Йорке "У злого волка". Только все они по сравнению с "Волной" убоги и жалки, просто так-вертепы.

И разумеется, в такое известное место мне сразу пробиться не удалось, как и два года назад, у ресторана стояла толпа, а дюжий небритый швецар в фуражке и пиджаке эту толпу регулировал. Кого он пускал, кого не пускал, причем неизвестно

по каким признакам делал отбор, меня, например, сразу оттолкнул, сказал что гангстеров у них своих хватает.

На гангстера он смахивал даже больше, чем я, но делиться этой своей мыслью я не стал, решил ждать, что будет. С некоторых пор старики все должности в Рамбове заняли молодые. Работали сторожами, маячными смотрителями, в охране, а один чужак, даже пугалом огородным — в садоводском хозяйстве стоял. Вот и этот был лет двадцати — двадцати двух.

— Эй, дядя, — кричали ему курсанты из "мореходки", — принеси бутылочку, — у нас выпуск.

Он брал деньги, уходил вверх, заперев дверь предварительно, возвращался, высовывал руку, отдавал вино и кому-нибудь натягивал фуражку попутно на самый нос.

Долго так продолжалось, пока не вышел из ресторана "граф Очумелов", весь увешанный портвейном, словно бомбами террорист. Я к нему обратился, он пошептал что-то на ухо швейцару, тот меня пропустил.

И вот я снова в "Волне", после двухлетнего перерыва. Боже ж ты мой, как тут веселились... Как подзуживающе-исступленно, беспардонно, я бы даже сказал, наяривал оркестр, и какие были танцы!.. Впечатление такое, что все два года, без усталости и без перекура, тут играет музыка, отплясывают эти юнцы в широченных штанах с веселыми вдовами, моряки, артиллерийские офицеры и прочие фармазоны.

Прошел я тихо на свободное место придерживая ноги, чтобы они сами, произвольно, без моего ведома, не пустились в пляс, пригласил "халдея". И только это я взялся за вилку, оркестр перестал играть. И услышал я голос, от которого похолодел, кусок скумбрии у меня в горле застрял, словом, я поперхнулся. Рядом, за моей спиной, за соседним столиком, сидел Петрик:

постаревший, пополневший, но живой, как это ни странно. Он меня не видел, сидел с тремя какими-то девушками и по обыкновению ко всем цеплялся.

- А ну-ка- говорил он громко своим соседкам, разглядывая их в упор- черти-то вас вздрючат на том свете за такую жизнь. Мыслимое ли дело, по ресторанам ходить, в вашем цветущем возрасте... Вот м нос красный какой стал у той блондиночки, прямо как у казацкого есаула.

Блондиночка морщилась, прикрывала ладошкой нос, подруги ее фыркали, а Петрик продолжал допрашивать:

- И мамы у вас небось есть, за вас беспокоятся, не спят, и бабушки есть старенькие, с больным сердцем...

- Нет у нас бабушек,- отбивались девушки,- отстаньте от нас! Что вы к нам прицепились?

Тут Петрик оглянулся, меня увидел, аж подскочил на стуле. Что тут началось... Как он меня обнимал, целовал, даже на грудь мою ненадолго припал, словно брата любимого встретил. Где я пропадал? Не в тюрьме ли так долго сидел? Не лишен ли был там передач? И почему ему, Петрику, писем не слал? Забыл своего друга!

Я сказал, что в Москве два года жил, на курсах учился на литературных, а писем писать не умею. Неграмотный я.

- Вот оно что!- протянул Петрик.- Давай садись ко мне... Давай! Давай! Давай!- и поволок ~~меня~~ мои припасы.

А когда я сел, представил девушкам:

- Лучший мой друг. Только что приехал из Москвы... Чемодан оставил внизу... На курсах учился на пожарных. Есть такие высшие курсы по пожарам...

Как бы он меня дальше изобразил, затрудняюсь сказать, но отвлекли его хулиганы от меня... большая им благодарность.

Сидели два хулигана справа от нас, обыкновенных таких хулигана без особых примет. Сидели молча, пили, да и слов почти не знали никаких— кроме скверных.

Лбы низкие, насупленные, штаны оранжевые, портьерные. Вдруг на них что-то нашло, мысль видать какая-то в голове завелась и они разговорились, стали вспоминать, кто чего пил.

— Политуру я пил,— говорил один— зубной порошок пил, деколон пил...

Столы наши, между прочим, сдвинуты все для большей емкости. Вот Петрик и влез в их разговор. Как черт шибутной из сказки.

— А копытную мазь вы не пили?

Переглянулись хулиганы ошеломленно, замотали в разные стороны головами и стало нам понятно, что— нет— копытную мазь они не пили; упущение вроде как с их стороны, промашка.

— А зря,— сказал Петрик.— Дернешь стакан натошак, враз по копыту вырастет на ноге и руке, то-то удобно будет, махаться...

Помрачнели хулиганы еще больше, догадались как-то, что над ними шутят, заскрипели зубами.

А для Петрика все ерунда и бровью не повел, за девушек снова взялся старый инквизитор.

Тогда один хулиган ножик вытащил из штанов, о брусок его демонстративно точить стал и этим не произвел на Петрика эффекта. Тут уж хулиганы вовсе сбились с колеи, уж на что примитивный народ, а понимают тоже, что в общественном месте даже Петрика бить пока нельзя, и терпения опять же у них никакого нету. Стучат кулаками туда-сюда, о столы их для разминки колотят.

А на сцене опять грянул оркестр, задудел, запиликал

вовсе уж нечто неприличное. Объявили дамский танец, меня тоже почтила одна, которая с красным носом. Вот я с ней танцую, а хулиганы на Петрика дают косяка, прямо буравят взглядом.

Ни с того, ни с сего, Петрик вытащил из под рубашки змею, гуттаперчивую какую-то, не живую; бросил ее на стол. Девушки опрометью убежали куда глаза глядят. У хулиганов глаза вылезли из орбит от такого нахальства. Что-то они там галдели:— Мол, такой-сякой, двинутый по черепу!

Между тем возвратились девушки за стол, администратора с собой привели. Указывают ему на змею.

Зато администратор быстро все понял. Показывает девушкам свою седую голову, говорит, из-за него поседел, велит официанту Петрика рассчитать, христом-богом умоляет его немедленно покинуть ресторан, а то, говорит, я сейчас машину для тебя вызову специальную, с мигалкой на горбу ходит, знаешь такую?

— Знаю,— Петрик отвечает,— "Луноход" называется. Лучше я сам уйду.

Извинился он перед девушками, рассчитался чин-чинарем, змею обратно за рубаху спрятал, пошел вниз.

Хулиганы за ним.

Я танцую и к Петрику в провожатые не рвусь, думаю,— намнут ему сейчас бока, давно палка по его бокам тоскует.

Постепенно совесть меня начала заедать, попросил я у официанта счет, спустился вниз, но уже никого не застал. Выскочил на улицу, бегу и думаю: пожалуй, зря бегу. Уже кончилось все— нет, смотрю, не кончилось. Стоит Петрик с хулиганами за углом, под ногами у него валяется полешко еловое и не поймешь, было полешко в деле? или не было?

Один хулиган Петрику руку жмет, твердит слово единственное- "Керя! Керя! Керя!" Другой плачет почему-то и вот так, всхлипывая, произносит:- "Все путем, ребята! Все путем!"

Отобрал я Петрика у них кое-как, отошли мы и спрашиваю:- Чем он подействовал на хулиганов? Как их привел в расстройство?

- А никак,- отвечает,- просто взял на шарапа. Набежали они на меня с поленьями, я кричу:- Как вам не стыдно, молодые люди! Вы же интеллигентные парни!

Вот их и проняло. Отродясь, видать, про себя таких слов не слыхали. Ошалели немного. Хулиган ведь он тоже почти что как человек, слово ласковое понимает. Ишь как руку намял мне, синантроп,- и Петрик принялся бранить хулиганов.

Перед моим домом он остановился, спросил-

- Ты чего завтра будешь делать с утра?

П С И Х И

Одно время в Рамбове жениться было немодно и семьей обзаводиться тоже. И такое количество психов почему-то в это время развелось — представить трудно.

Рассорятся два каких-нибудь деятеля у пивного ларька: Один дернет на себе рубашку, завопит — Псих я, псих... понял! Другой тоже на себе что-нибудь порвет и тоже себя психом величает.

Посмотришь на того и на другого, подумаешь... и верно психи. Просто беда!

Эти психи, еще можно сказать бескорыстными были, себе в основном ущерб причиняли, а были психи другого рода.

Ходил одну зиму по электричкам некто "Лохматый". Здоровый такой балбес — пудов на шесть. Не просто, конечно, ходил, с целью переместиться, а с рукой протянутой ходил.

Открывает бывало этот Лохматый вагон, объявляет громовым голосом:

— Граждане пассажиры! Вражеская, фашистская, оккупационная бомба, брошенная осовцами в Алжире, разрушила мою нервную систему. Подайте кто сколько может...

Ему, разумеется, не подавали. Не потому, что жители Рамбова отличались большой жадностью /тучи халявщиков, расплодившихся в городе, свидетельствовали об обратном/ и не потому, что юродивых в Рамбове не чтили /официального рамбовского дурачка Гену-пулеметчика кормили бесплатно во всех столовых/, а потому, что ряха у Лохматого была упитанной сверх меры. Все понимали, что это хобби, а не нужда.

Тогда Лохматый сменил пластинку. Он стал петь в вагонах

песни. Вернее, одну песню, нелепого содержания. Песня называлась: "Я родственник Левы Толстого". По словам этой песни выходило, что когда-то давно /очевидно, еще в прошлом веке/ великий писатель затащил бедную маму Лохматого на сеновал, и там ее "изнасиловал". Отсюда и Лохматый произошел.

- Долгонько твоя мама беременной ходила, - сказал я ему однажды, когда Лохматый шел мимо, поскольку помнил, что великий писатель умер в девятьсот десятом году, а Лохматый родился в сороковом.

Лохматый мне подмигнул приятельски, по плечу похлопывая, да так похлопал, что с меня шапка на пол слетела.

Исчез он потом куда-то. Вероятно в "Ясную Поляну" переехал, не иначе.

Был еще другой кадр - Витя Снетков, - манией отвращения к труду страдал. Сколько я его не помнил, никогда Витя не работал, хотя был уже в годах - что-то под сорок. Поигрывал Витя в карты, попивал винцо, получал от государства пенсию. Надоело ему в коммунальной квартире жить, решил он для себя отдельную квартиру выбить в исполкоме. Записался раз на прием, записался другой, устроил несколько припадков в кабинете у председателя.

- Не за себя хлопоту, - внушал Витя, - мое дело труба; мне детишек жалко соседских... мало ли что придет мне в голову.

Напугались власти, дали ему квартиру - живи, а Витя в новой квартире жить не стал, превратил ее в игорный дом. Живет он по-прежнему у родителей и соседским детям конфеты носит с выигрыша.

Наблюдал я раз такую сцену у его квартиры с раннего

утра. Спорил Витя с каким-то гопником весьма грубо: речь шла о картежном деле.

- Я тебя туда-сюда, - угрожал Витя, - и эдак и так... с кашей съем, если ты монету не раздобудешь!

Гопник слушал его, слушал тупо, да как даст Вите в челюсть, так Витя на дорогу и вылетел...

Вылетел, приподнялся мгновенно на руках и закричал:

- Граждане прохожие, что же вы смотрите, инвалида бьют!

Граждане, конечно, навалились, скрутили руки гопнику, а гопник тоже псих оказался: расшвырял всех в стороны и в лес убежал.

Был еще один тип: электрички ходил мыть по утрам безвозмездно. Никто ему это дело не поручал, денег не платил, а он придет себе с ведром и шваброй и трет вагон за вагоном, обмывает.

Железнодорожники над ним смеются, придурком его обзывают, а он терпит. В конце концов не сдержался, огрел одного по голове шваброй, - на пятнадцать суток угодил за швабро-прикладство.

Еще какие-то мелкие развелись психи, непретенциозные: Кто шуку у себя в огороде скромно выкопает живую вместе с картошкой, кто слова слышит цветные, кто связь с внеземной цивилизацией наладит непосредственную... кто что.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы мода на безбрачье не прошла и снова свадьбы в Рамбове не начались.

А как свадьбы начались, так и психство все постепенно вывелось, на нет сошло. Психи на работу поустраивались, переженились, даже Витя Снетков работать стал - ревизором на железной дороге. Диплом оказывается имел железнодорожный. Самое гнусное, что он меня, нахал, за проезд без билета ош-

трафовал.

Я говорю:— Витя, ты что? Своих не узнал? Мы же с тобой в карты сколько раз играли? Ты еще мне пенсию однажды проиграл... в День флота?

Он говорит:— Тем более... И выписывает мне квитанцию-диплом этот заячий... поскольку адрес мой знает и фамилию помнит отлично.

Такие дела!
